

Виктор Зачеренский ВОСЕМЬ И ЕЩЁ ДВЕ ИСТОРИИ ПРО ВАШИХ ЗНАКОМЫХ

КТО ОН, ВИКТОР ЗАЧЕРЕНСКИЙ?

Маргинал? Мизантроп? Человеколюбец? Выдумщик? Врун? Всего понемногу... меньше всего – последнего (так ему кажется). «Живите честно!» – предлагает он, и это не совет, Зачеренский вообще не даёт советы, он своими текстами ненавязчиво демонстрирует: с чистой совестью жить легче и приятнее, а иногда просто выгоднее.

Мир и спокойствие вашим душам... проповедь закончена, теперь можно открыть книгу и узнать много интересного про ваших знакомых.

Герои десяти рассказов - наши современники, живущие среди нас; в конце концов—это мы с вами: разные, противоречивые, ищущие, бестолковые, заблуждающиеся, порой не знающие, как поступить в сложных ситуациях. Единственное, что объединяет большинство персонажей всех историй,—это то, что они равнодушны, точнее—не спокойнoдушны. Наличие совести, нравственных установок героев не позволяет им просто плыть по

течению дремотной глади быта. Ничего героического они не совершают, но живут ярко, беспокойно, потому что иначе не умеют.

– О чём Ваши «Рассказы», господин Зачеренский?

– О любви, о ненависти, о дружбе, о предательстве...

– Так об этом уже писали! – [смех в зале].

– У меня там ещё про одиночество, про нежность, про страх... про то, что нельзя сдаваться, как бы плохо тебе ни было...

– Об этом тоже писали, – [смех громче].

– Так Вы считаете, что уже больше и не нужно писать?

– Ну, может быть, хватит об этой ерунде?

– А Вы можете предложить другие темы?

– Конечно: про сказочные царства, про магов, про вампиров...

– Извините, я пишу про людей, просто про людей, про Вас, кстати, тоже. Я уверен, что интересней темы не существует.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ АМБИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Девочка была страшенькой и одновременно милой. Лет пяти. Широкое треугольное личико, очаровательные прозрачно-розовые перпендикулярные ушки, одуванчиковые волосики, серенькие маленькие глазки у самого носика, узенькие губки, которые, открываясь, образовывали рот – щёлочку. Она что-то оживлённо говорила своей сидящей рядом бабушке. Нестарая ещё бабушка читала электронную книгу и изредка кивала внучке. Осоков подумал: «Почему все чужие дети такие некрасивые?» И у него тут же защемило сердце: «А я что, стал счастливее, от того, что моя дочь красавица? Сколько лет я её не видел?»

Он стал вспоминать и с горечью осознал, что со своей повзрослевшей дочерью он общался давно, в последний раз по телефону в прошлом году, когда поздравлял её с днём рождения – двадцатичетырёхлетием. Они оба испытывали неловкость от разговора, каждый понимал, что и поздравления, и благодарность за них формальны и необязательны.

Девочка напротив Осокова спрыгнула с лавки, потянула ремешок бабушкиной сумки, её бабуля нехотя закрыла книжку, и они пошли к двери вагона, голос с потолка объявил: «Станция Электросила, следующая станция Парк Победы». Осоков посмотрел вслед девчонкам, бабушка

девочки со спины выглядела совсем не бабушкой: стройные ноги, туфли на «шпильках», узкая талия. «Красивая женщина», – подумал Осоков, и у него опять заныло в груди: «Марина тоже красивая и тоже чужая, как и их дочь Наташка... а виноват я сам».

Теперь тянущая даже не боль, а тоска внутри не отпускала. Осоков не знал, как жить дальше, своего будущего он не видел, навалившиеся проблемы казались неразрешимыми.

Он ехал в свою пустую, во всех смыслах однокомнатную квартиру в Купчино. Ехал он от следователя по фамилии Семёнов, который представился Осокову почему-то Семионовым. Этот упырь с масляной мордой занимался его «делом». Занимался— это сильно сказано, Осокову было ясно с самого начала, что никого менты не найдут, да и искать не станут, у них есть дела поважнее.

«Надо всё-таки позвонить Сергею, – решил Осоков. – Сколько можно тянуть? Три дня уже прошло».

Выйдя из метро, он решил пройти пешком две остановки до дома, достал телефон. После пятого гудка Осоков малодушно решил нажать отбой, но не успел, из динамика раздался бодрый голос товарища.

– Объявился! Куда пропал, Онегин!?

Взяв себя в руки, Осоков, не поддерживая оптимистический тон Сергея, начал докладывать.

– Серёга, ты сейчас можешь просто послушать минут пять? Есть информация. – Голос дрогнул, Сергей это почувствовал.

– Давай, вываливай питерские новости. – Бодрость в его голосе пропала. – Я могу тебя слушать часа полтора, у меня опока сохнет.

Осоков вспомнил старую песню про «маркизу», про её лошадь и поместье и решил не мучить друга. – Мастерская сгорела... Кое-что осталось: железяки твои, горн, печь, вальцы, наковальня твоя любимая... Ты меня слышишь? Чего молчишь?

– Тебя слушаю, – мрачным голосом ответил Сергей, – валяй дальше, сейчас чай из кружки выплесну и налью что-нибудь более соответствующее твоей информации. Говори, говори, у меня гарнитура.

Осоков вздохнул поглубже и продолжил. – Пятого мы отмечали у Игоря с Надеждой закрытие выставки... Я у них остался ночевать, в мастерскую уже поздно было ехать. У меня телефон сел, я не заметил. Приехал в Ольгино уже днём, часа в два... Соседи говорят, что пожарные приехали быстро, минут через десять после вызова... Лейтенант – дознаватель из пожарки сказал «поджёг», сто процентов, окно разбили, и бутылки с бензином

бросили. Дача твоя почти не пострадала, успели стенку потушить, ну а мастерская... Ремонт надо делать. Большой... Я из мастерской, от того, что осталось, всё Мишке перевёз в гараж, кроме наковальни, извини, тяжёлая, зараза.

– А мама моя перед смертью говорила мне: «Серёженька, застрахуй дачу». А Серёженька? А Серёженька не только не удосужился, но даже и не вознамерился! Ка-зз-ёл!... Ладно, ты-то как?

– А я – наречие от окончания глагола... Как эти подонки, патриоты квасные, адрес мастерской узнали? Дача-то на тебя записана?

– Ну, скорее не квасные, а пивные... а во-вторых, у меня тоже недорбожилателей, тьфу, недор... хрен с ними, – тоже хватает! Хотя... по сравнению с тобой, с твоими высокохудожественными образами мои скульптурки – так – иллюстрации к Мурзилке. Это ты у нас крутой, авангардный и мишенеподверженный. Я тебя предупреждал: не нарывайся на диагноз оскорблённых чувств, помнишь, в прошлом году?

– Так ты думаешь, это из-за моей «Свободной кассы»?

– Даже не сомневаюсь.

– Да, ты прав... На вернисаже у них не получилось говном обмазать, охранник, парень – молодец, заметил банку у этого Щелчкова,

которого весь город знает, а доблестная бывшая милиция найти не может!... До меня только сейчас дошло! Я думаю, он у них и кормится, они же ему и дают «наводки»... долбанная слободка.

– Ладно, проехали... Твоего-то много пропало?

– Из нового, последнего, всё сгорело, оплавилось, ну, кроме того, что в экспозиции в «Мирарте», слава богу. Сейчас иду домой, посмотрю, что в закромах лежит из «картинок», я уже и забыл, давно не писал. Как с тобой связался, так кисточки с красочками и в руки не брал, сколько уже, три года?

– Да, быстро время летит... Ладно... Чёрт, трещина пошла по опоке! Переделывать надо! Через неделю заказ сдавать! Я тебе вечером перезвоню, не грусти, что-нибудь придумаем, пока!

Осоков купил в «Шестёрочке» пельменей, сметану, шпроты, пиво. Заталкивая банку «Paulaner» в рюкзак, он вспомнил поджигателей-пивных патриотов. «Все мы люди, – подумал он, – организмы с мозгом в разной степени продуктивности пользующихся им. Я тоже люблю пиво, но мне в голову не придёт поджечь квартиру соседа из-за того, что он любит громко слушать музыку». Поднявшись на свой этаж, он позвонил соседке, забрал квитанции на оплату коммунальных услуг и к ним довесок из пачечки разноцветных

бумажек.

В квартире было душно и пыльно. Прямо перед входом в маленькой прихожей стояло огромное – от пола до потолка зеркало, с полочкой, опирающейся на две изогнутые деревянные резные ножки; линии ножек продолжались и повторялись в контурах рамы самого зеркала, по углам образуя замысловатый растительный орнамент в стиле модерн. Осоков привык к зеркалу, он помнил его с детства, ещё с тех пор, когда их семья жила в старой коммуналке, но сейчас, войдя в родительскую квартиру, и, увидав знакомый предмет как будто заново, поразился его красоте и одновременно его неуместности в жалких метрах малогабаритного жилища. Он подошёл к зеркалу вплотную, поставил мешок на пол, положил на полку квитанции и листочки с ненужной рекламой, взглянул на мутное отражение, – на себя...

То, что он увидел, Осокову не понравилось. Он и раньше-то не очаровывался своей внешностью, считая себя далеко не красавцем, но сейчас из-за пыльной мути на него смотрело просто страшилище, – «Краше в гроб кладут», – прокомментировал он про себя: ввалившиеся глаза с тёмными кругами, небритые щёки, включенные давно не стриженные волосы, старая выцветавшая футболка с тёмными пятнами под мышками, мятые брюки...

– Каков поп, таков и приход – сказал он вслух отражению, резко повернулся и прошёл в комнату, открыл настежь окно и стал доставать из встроенного шкафа холсты на подрамниках. В «закромах» оказалось около дюжины работ. Быстро просмотрев, Осоков отставил три из них, остальные снова убрал в шкаф. Отобранные работы он поставил к стене напротив открытого окна, сел перед ними на стул.

Малоформатный холст – первый вариант его «Свободной кассы». На картине изображена стойка с кассами ресторана быстрого питания «Макдональдс», за центральной кассой красивый молодой мужик похожий на канонический автопортрет Альбрехта Дюрера, на его голове фирменный красный козырёк. Осоков в очередной раз подумал: «Что в этой картине может вызывать такую ненависть? Это же ирония, перенесение известного мифологического сюжета в наше время. Парень за кассой «Макдональдса» просто работает – кормит народ, да, не за бесплатно, но и не за дорого, он пользу приносит этому самому народу!»

Второе полотно, самое крупное, женский портрет. Марина. Его бывшая жена. Уже одиннадцать лет бывшая. Осоков отметил, что у него уже ничего не ёкает внутри при взгляде на это лицо. Просто лицо, которое нужно продать, потому, что продавать ему больше нечего, а деньги ему

нужны на новую мастерскую, на его жизнь. Не в смысле, что б не умереть с голоду, а потому что без того, чем он занимался последние три года, он ЖИТЬ не может. Портрет был исполнен совершенно в иной технике, нежели «Свободная касса»: глаза, нос, губы— центр лица— почти фотографическая резкость, остальное, к периферии, постепенно размывалось, превращаясь в маленькие, потом крупнее, квадратики; к краю картины квадратики становились кубиками, образуя уже что-то самостоятельное— второй смысловой план, свою объёмную композицию. Осоков в очередной раз порадовался, вспомнив, как он нашёл этот приём, собственно с него и началась его вторая жизнь, то, в чём он находился эти три последних года.

Третий вертикальный холст, уменьшенный вариант того, чем Осоков по-настоящему гордился. Прошло уже четыре месяца с того дня, когда он закончил «Ангела» в металле и три с половиной года, как написана эта картина, но Осоков до сих пор не может объяснить даже себе, как ему удалось передать эту двойственность: ангел одновременно и падал, и взлетал. Особенно сильно этот эффект проявлялся в объёмной фигуре, стоящей сейчас в «Мирарте». Изначально картина называлась «Неуверенный ангел», потом— «Амбивалентный ангел», а исполненная в металле фигура стала